

³⁷ Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914-1918. Bd. V. S. 218; Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bd. 10. Berlin, 1936. S. 566-567.

³⁸ Всего в июне-августе 1916 г. было получено с Западного фронта 7 пехотных дивизий, с Балканского фронта 1 дивизия, с Юго-Западного (австро-венгерского) фронта 6 дивизий, с других участков Восточного фронта 10 пехотных дивизий и 1 бригада и 3 кавалерийские дивизии и 1 бригада, вновь сформированных - 4 дивизии и прислано турецких - 2 дивизии. В то же время снято с фронта и направлено в Италию - 1, против Румынии - 4 и на пополнение - 3 дивизии. Итого прибыло 33 и убыло 8 дивизий (Ibid. S. 564-565).

³⁹ Ibid. Anl. 2, 3.

⁴⁰ Подсчитано по: РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 426, л. 221-257 об.

⁴¹ Подсчитано по: Там же, ф. 2067, оп. 1, д. 451, л. 365, 385, 389; д. 452, л. 77, 137, 224, 259, 304, 312-315, 421-424, 333; д. 453, л. 25, 221, 325, 495; д. 455, л. 56, 57, 77, 79, 189-190, 195.

⁴² Там же, д. 454, л. 170, 259; д. 455, л. 325; д. 456, л. 97.

⁴³ Там же, ф. 2003, оп. 1, д. 613, л. 288; Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914-1918. Bd. V. S. 404.

⁴⁴ Ibid. S. 406.

⁴⁵ Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 5. С. 107.

⁴⁶ Луцкий прорыв. С. 23.

⁴⁷ Подсчитано по: Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bd. 11. Berlin, 1938. Anl. 6.

⁴⁸ Подсчитано по: Ibid. Anl. 7.

⁴⁹ Подсчитано по: РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 426, л. 258-279 об.; ф. 2067, оп. 1, д. 455, л. 330, 409, 426; д. 456, л. 111, 187, 244-245, 194, 290, 291; д. 457, л. 81-113, 144.

⁵⁰ Подсчитано по: Там же, ф. 2003, оп. 1, д. 613, л. 7-308; д. 614, л. 1-207; д. 615, л. 3-209.

⁵¹ Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914-1918. Bd. VI. Wien, 1936. Bl. 2; Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bd. 11. S. 394, 407.

⁵² Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 5. С. 108-109.

⁵³ РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 426, л. 289 и об., 304 и об. Сведения о возвращении раненых в строй даны в сумме по всем фронтам.

⁵⁴ Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914-1918. Bd. V. S. 716.

⁵⁵ Луцкий прорыв. С. 24.

⁵⁶ Там же. С. 5, 26; Литвинов А.И. Указ. соч. С. 83; Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 2. Париж, 1939. С. 165, 167; Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 6. С. 105, 134.

© 1998 г. А.П. БОРОДИН*

ПРАВАЯ ГРУППА ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА В 1906-1917 ГОДАХ

Преобразованный в феврале 1906 г. в равноправное с Государственной Думой законодательное учреждение, Государственный совет (Госсовет) превратился фактически в верхнюю палату российского "парламента" и сыграл важную роль в судьбе третьеиюньской монархии. В условиях усиливающегося размежевания внутри третьеиюньского блока происходит характерное изменение его состава: правая группа, значительно уступавшая по числу членов группе центра, к которой при баллотировках всегда присоединялась и т.н. левая, становится преобладающей и превращает Госсовет в законодательную пробку, парализуя тем самым законодательную деятельность Думы. Задачей данной статьи является попытка выяснить политическую позицию правой группы Госсовета, ее состав и удельный вес в 1906-1917 гг.

Первое заседание реформированного Госсовета состоялось 28 апреля 1906 г. Был отслужен молебен, зачитан указ, его председатель граф Д.М. Сольский произнес краткую приветственную речь, члены совета принесли присягу, и на этом заседание закончилось. Сольский, перепуганный сообщением о намерении выборного члена кадета князя В.А. Кугушева предложить включить в ответственный адрес царю требование политической амнистии, поспешил его закрыть.

Бородин Анатолий Петрович, кандидат исторических наук, доцент Московской государственной юридической академии, Кировский факультет.

После заседания Сольский и вице-председатель Госсовета Э.В. Фриш пригласили в помещение президиума некоторых членов совета, чтобы назначить день следующего заседания и определить предмет обсуждения. А.А. Половцов в дневнике трактует это как проявление растерянности Сольского ("прения самые бестолковые, самые путанные")¹, Д.Н. Шипов в мемуарах рассказывал об эпизоде спокойно: собравшиеся признали необходимым поставить на первую очередь вопрос об адресе и решили начать с частного заседания². Последовала серия частных совещаний, первое из которых состоялось в тот же день вечером.

На первых порах преобладало деление членов Госсовета на выборных и назначенных. Последних настораживал и даже пугал "радикализм" требований выборных, особенно кадетов; ревниво и в то же время с ощущением превосходства отмечали они промахи выборных, их неопытность. В среде же выборных назначенные воспринимались как чиновники, неспособные понять задачи переживаемого времени, как креатуры правительства; ставилось под сомнение их право участвовать в выработке адреса: не к ним-де обращался царь. Выборных возмущала старческая немощь многих назначенных, их нерешительность, привычка оглядываться на Петергоф. Кто-то из выборных винил их, бюрократов, в революции: они ее допустили и даже чуть ли не участвовали в ней. Других смущало засилие в их среде reactionеров.

Однако по мере того, как члены Госсовета вынуждены были определять свои политические позиции, деление на выборных и назначенных утрачивало значение и затухало, члены Госсовета расходились и сплывались по политическим группам. Первыми заявили о себе кадеты: вечером 28 апреля в частном совещании членов Госсовета, по преимуществу выборных, они предложили включить в адрес требование об амнистии.

Одновременно с левой формируется и правая группа. 29 апреля граф К.И. Пален и Половцов собрали в Мариинском дворце около 30 членов, в основном выборных. Здесь П.Н. Дурново "обстоятельной и длинной речью" о пагубных последствиях амнистии склонил большинство присутствовавших на свою сторону³.

Частное заседание всех членов Госсовета 30 апреля, на котором "большинство Фриша не захотели" председателем, и был выбран князь П.Н. Трубецкой, а правым пришлось возражать и кадетам, и Н.С. Таганцеву, попытавшемуся сформулировать позицию значительной части собравшихся, и Шипову, предложившему ходатайствовать об изменении основных законов и об избрании министров из среды господствующего в Думе большинства, побудило правых активизироваться.

В таком же совещании членов Госсовета на следующий день "блестящая, полная не только таланта, но [и] глубокого, горячего патриотического чувства речь Ф.Д. Самарина, отвергающего мысль об амнистии", прерывается и заканчивается "аплодисментами и одобрительными возгласами слушателей"⁵. Вечером 2 мая противники амнистии собрались в квартире С.С. Гончарова, где засиделись "до второго часа ночи"⁶. Днем 4 мая, перед официальным заседанием Госсовета, "члены-консерваторы" собрались у Половцова, обсуждали и одобрили проект адреса, составленный Самариным. Баллотировка по проектам адреса обнаружила удельный вес правых: за проект было подано 47 голосов⁷.

12 мая, вечером, на заседании у Гончарова было решено "избрать бюро, долженствующее на будущее время следить за тем, что говорят в Думе и сообразно с этим направлять занятия членов группы"⁸.

К концу первой сессии (10 июля 1906 г.) в группе правых было 43 члена. Из них 28 назначенных и 15 по выбору от дворянских обществ (8), белого духовенства (2) и земств (5). По социальному происхождению 40 из них были потомственные дворяне (9%), в т.ч. 9 (22,5%) титулованные: 2 князя, 6 графов и баронов. Среди них значилось 10 бывших дворянских предводителей, а 5 совмещали обязанности предводителя с пребыванием в Госсовете.

11 членов группы (25,6% от общего числа) не имели недвижимого имущества, 1 имел дом и дачу, а 31 (72,1%) владел землей. По размерам владений (в дес.) последние распределялись следующим образом:

от 101 до 500	- 1 (3,2%)
" 500 " 1 тыс.	- 3 (9,7%)
"1001" 5 тыс.	-11(35,5%)
"5001" 10 тыс.	- 8(25,8%)
"10001" 25 тыс.	- 1 (3,2%)
Более 25 тыс.	- 5(16,1%)
У двоих размер владения не выяснен.	

Среди землевладельцев 14 имели промышленные предприятия: заводы винокуренные (12), лесопильные (3), спиртоочистительные (2), масло-молочный, черепичный, кирпичный,

чугунолитейный, сталеплавильный, а также мельницы паровые (4) и водяные (2), текстильные фабрики, предприятия по добыче соли, меди, железа, золота; 10 были домовладельцами в Петербурге, Москве, Туле, Екатеринославле; 2 держали крупную торговлю: один - хлебом, другой - винами; 4 сдавали значительную часть своей земли в аренду крестьянам; у 2 были майораты.

Среди этой части правых Госсовета были крупнейшие земле- и домовладельцы империи. Были и средней руки помещики, а также обремененные долгами и жившие исключительно на жалованье.

По возрасту правые распределялись так: от 40 до 59 лет - 22 (51,1%), от 60 до 79 - 21 человек (48,9%).

Православные составляли 88,4% (38 человек), из них двое - из обрусевших иноземцев, трое придерживались лютеранского вероисповедания, двое - евангелическо-лютеранского. С высшим образованием было 30 человек (69,8%), в т.ч. 18 - с юридическим; среди них магистр, 3 профессора. Один имел незаконченное высшее, 11 - среднее и один - домашнее (он же почетный член Академии наук).

17 членов правой группы (5 гражданских, 10 военных и 2 придворных) имели чин II класса, 15 (7,1 и 7) - III класса, 3 - IV класса, 3 - V, 1 - VII, 1 военный в отставке - VIII, 1 военный в запасе - XIII; 2 состояли в придворном звании. Таким образом, чины II-IV классов составляли 85,4% (35 из 41 с чинами; двое от духовенства были протоиереями), из них 15 были гражданские, 11 - военные, 9 - придворные. Среди назначенных членов правой группы было 8 генерал-адъютантов, 4 статс-секретаря, 9 сенаторов (1 сенатор был среди выборных членов группы).

Все члены группы были, разумеется, правой ориентации. Более конкретно об их политических пристрастиях говорят следующие данные: 17 состояли членами Русского собрания, 3 входили в Кружок дворян, верных присяге, 2 - в Кружок москвичей, 1 имел непосредственное отношение к деятельности Союза русского народа, 2 значились в числе организаторов Отечественного союза, 13 принимали деятельное участие в работе I съезда объединенного дворянства, в том числе 2 были избраны товарищами председателя Постоянного совета и 2 - членами последнего.

Программного документа у правой группы не было⁹, ее членов спланивали ясное понимание своих интересов, общая оценка положения, вполне определенная позиция по всем вопросам общественной и государственной жизни и воля ее отстаивать.

Прежде всего, правых характеризовало неприятие революции, отрицание ее как абсолютного зла. Она воспринималась как непосредственная угроза их имуществу и жизни. "Дело идет о нашем достоянии, без всякого сомнения, ...о наших головах, быть может; я и этому не удивился! - писал граф С.Д. Шереметьев. - ...Все это, вся эта улица, вся эта гуща у власти! С правом располагать нашим достоянием, нашей историей, нашей кровью, всем, что нам дорого! Это ужасно и это при дверях, это завтра! Завтра мы услышим требования, касающиеся прав нашей собственности, завтра мы принуждены будем все продать под тяжестью прогрессирующих налогов, завтра мы потерять можем все, обреченные, пожалуй, на исход зарубежный!"¹⁰.

С революцией правые связывали современные беды России. "Тяжелая смута, - писали они в проекте всеподданнейшего адреса, - расшатала умы, остановила правильное течение государственной и народной жизни, подорвала народное благосостояние и явилась существенной помехой в недавно окончившейся борьбе с внешним врагом"¹¹. Торжество революции, полагал Л.А. Тихомиров, означало гибель национальной России: с банкротством русской идеи "устанавливать государство на пространстве Русской империи" будет кто угодно - "поляки, немцы, татары, или даже евреи", - но только не русские, которые должны будут "отказаться от господства" и перейти "на роль народности подчиненной"¹².

Надежду на компромисс, которую до 17 октября 1905 г. питали даже в правительственных верхах¹³, правые в 1906 г. оставляют, все более отдавая предпочтение идее "беспощадного подавления"¹⁴. Приходило понимание, и в этом отношении правые опережали представителей власти, что революция "не только в своих крайних проявлениях, но и в умеренных, так называемых либеральных, отрицала не частности строения, а строящую силу, требовала от нее не тех или иных мер, а того, чтобы она устранила самую себя, отдала Россию им". "Но на такой почве, - следовал естественный вывод, - возможна только борьба, полное торжество победителя, полное уничтожение побежденного"¹⁵. Осознавалось и то, что "революция только наполовину создается из революционного напора революционеров. Другая ее половина, а может быть, три четверти - состоит в ощущении властью своего собственного бессилия"¹⁶.

Опыт 1905 г. убеждал их, что "усмирить ярость бунта либеральнейшими реформами" нельзя:

чем более старалось правительство "подладиться под требования так называемого общественного мнения, тем сильнее разгорались страсти, тем неистовее действовала крамола"¹⁷. "Революционные вспышки, - заключали правые, - укротить нравственным воздействием нельзя, их можно подавить силой"¹⁸. Отсюда проходящая через всю деятельность правой группы идея о сохранении и укреплении этой силы и борьба со всем, что так или иначе способно хотя в малой мере ее ослабить. Главный предмет их забот - самодержавие; оно, в глазах первых, по-прежнему оставалось "палладиумом" России. Разумеется, далеко не каждый монархист, даже среди правых Госсовета, имел целостное мировоззрение и мог, подобно Тихомирову, развернуто обосновать подобную оценку. Не приходится, однако, сомневаться, что авторитетный и весьма популярный в правых кругах, особенно с 1905 г., редактор "Московских Ведомостей" изложил их общий взгляд.

Согласно ему, монархия, вследствие "природных" своих преимуществ, "составляла до сих пор обычную норму государственной жизни человечества", и "величайшие эпохи национального творчества, в большинстве случаев, отмечаются именами монархов". В русской истории роль монархии особенно велика: здесь народ создал "свою особую концепцию государственности, которая ставит выше всего... начало этическое"; здесь монархия "родилась с нацией" как выразительница нравственного ее идеала, "много веков вела народ к развитию и преуспеянию, ко всемирной роли и первой роли среди народов земных"; здесь монархия жила с народом, росла с ним, "возвеличивалась, падала, находила пути общего воскресения и во всех исторических задачах стояла неизменно во главе национальной жизни".

Что касается событий в "современной России" (а писалось это в 1905 г), то они "не только не упраздняют самодержавие, а напротив - требуют его. Чем сложнее внутренние отношения и споры в Империи среди ее 70 племен, множества вер и неверия, борьбы экономических, классовых и всяких прочих интересов, тем необходимее выдвигается единоличная власть, которая подходит к решению этих споров с точки зрения этической. По самой природе социального мира, лишь этическое начало может быть признано одинаково всеми, как высшее. Люди не уступают своего интереса чужому, но принуждены умолкнуть перед требованиями этического начала"¹⁹.

Относительно манифеста 17 октября 1905 г. правые нисколько не заблуждались. "Манифест от 17-го окт[ября] об отречении от Самодержавия Николая II", - записал 18 октября в памятной книжке В.В. фон Валь²⁰. "Итак, у нас Конституция!" - вторил А.А. Киреев²¹. Многие из них акт 17 октября воспринимали как крушение России и личное горе. "Вот когда настала настоящая беда, - жаловалась вдова Д.С. Сипягина своему зятю. - Это теперь, с 17 окт[ября], с манифеста Государя. Теперь нет больше просвета, разве что народ сам не захочет не иметь более самодержавного царя. Я так страдаю теперь, что мочи моей нет. Потеря любимого человека ничтожна в сравнении этого ада, чувства, которым я полна. ...Я не могу более получать свою пенсию, которая мне дается в память человека, который жизнь свою положил за Самодержавное царствование и правление, и для этого мне приходится продавать Клузово"²². Шереметьев, разделяя негодование и скорбь А.П. Сипягиной, писал: "Да, удар нанесен непоправимый русскому началу. Это полное торжество западных учений, навязываемое ныне России помимо и наперекор ее многомиллионному населению, коренному Русскому, на которое, может быть, плюнули!... Только нерусские могли на это решиться"²³.

Что касается причин появления манифеста, то уже в первые дни после его издания правые не сомневались, что он стал результатом испуга и растерянности вел. кн. Николая Николаевича и слабости царя. При этом они считали страх этот "малоосновательным": у Дубасова в Москве было 9 тыс. войска, в то время как гарнизон в Петербурге имел 25 тыс., и "крепость, могущую обстреливать любую местность, и прямые широкие улицы"²⁴. Скоро правые приходят к окончательному выводу: "17 октября есть плод мошенничества (Витте и Ушаков), испуга (В.К. Никол[ай] Николаевич) и растерянности (царь)"²⁵.

С точки зрения борьбы с революцией манифест 17 октября представлялся правым "бессмысленным"²⁶: в их среде крепло убеждение, что октябрьская забастовка "закончилась вне всякой зависимости от манифеста"²⁷. Легкость роспуска первых Дум утвердила правых в мысли, что "17 октября оказалось пустым делом"²⁸. Более того: манифест усугубил ситуацию, ибо "смута не только не улеглась после него, но значительно усилилась и ясно доказала", что Витте "ошибся относительно причин этой смуты и искал поддержки там, где не мог ее найти"²⁹. В октябре 1906 г. Самарин, будучи принятым царем в связи с предложением ему поста обер-прокурора Синода, заявил, что "не считает возможным примирить укрощение революционного движения единовременно с применением основ 17 октября"³⁰.

Правые не считали дело окончательно проигранным. Ими была подмечена недого-

воренность самого манифеста. "Все же, - утешал Шереметьев Сипягину, - в последнем акте нет полного признания нового принципа и оставлены лазейки (и это неблагородно)"³¹. Скоро стало ясно, что и "царю этот проклятый акт не люб", и он не прочь его аннулировать³². Естественно возникает мысль о противодействии манифесту: "Я постараюсь выяснить дело! - суетился Киреев. - Можно ли опереться на нетронутые еще силы народа, на так называемую "черную сотню", которая совсем не толпа русских bravi, а - русский народ"³³.

4 ноября 1905 г. представители "разных патриотических русских групп и союзов" собрались по приглашению Самарина на московской квартире В.Н. Ознобишина. Они пришли к выводу, что манифест 17 октября "вынужденный, стало быть, значения не имеет, как не имеет значения, например, вексель, подписанный под дулом пистолета"³⁴.

17 января 1906 г. 24 члена Кружка москвичей, из которых семеро станут вскоре членами реформированного Госсовета, подписали "Отзыв на обращение "Русского Собрания" к единомышленным партиям, союзам и русскому народу. По поводу манифеста 17 октября"³⁵. Манифест здесь трактовался как "свободный акт воли самодержца", пожелавшего "приобщить Государственную думу к законодательной власти". И подчеркивалось: "Этим еще не введена у нас конституционная форма правления", ибо в России нет силы, "которая могла бы и желала бы ограничить царскую власть", а народ "по-прежнему верит только царю и вовсе не стремится умалять полноту Его власти". Чтобы манифест не превратился в обязательство царя, предупреждали "москвичи", ни в коем случае не следует "закреплять этот акт каким бы то ни было торжественным обещанием или присягою": народ это поймет как "упразднение царской власти"; нельзя перерабатывать и основные законы.

Царь и на этот раз не оправдал надежд правых: была созвана Дума, проведена реформа Госсовета, издана новая редакция основных законов - "новый строй" стал фактом.

Реакция правых на эти события была негативной. По мнению К.Н. Пасхалова, учреждение Думы с ее "огромною законодательною компетенциею и совершенно безграничною свободою действия и выражения", с ее "непрерывно настойчивой" борьбой за власть (третья Дума в этом отношении ничуть не лучше первой и второй) поколебало самодержавие и поставило "страну в положение, очень близкое к окончательной гибели"³⁶. "Дума как плюс", итожил "Гражданин" князя В.П. Мещерского, не дала "почти ничего", а "как минус" - "умаление православной церкви, умаление самодержавия, умаление достоинства русского народа, возбуждение против Царя и России всех инородцев, восхваление и ободрение всех врагов царя, власти, порядка"³⁷. Особенно удручало то, что Дума "мешает ходу законодательных дел и ограничивает законодательную Самодержавную власть", не пропуская нужных законов. Такое положение, предупреждал Мещерский, опасно: неизбежна "глубокая смута от сознания слабеющей в борьбе с чуждой народу Гос. думой Верховной власти"³⁸. В конце января 1908 г. московское дворянство в адресе, принятом по инициативе братьев Самариных 198 голосами против 122, "громко заявило, что оно держится старых понятий и вовсе не считает вопрос о политическом строе Русского Государства окончательно решенным"³⁹.

Пугала перспектива неизбежного перерастания "нового строя" в настоящий парламентский режим. "Для меня, - записывал Киреев, - положение дел становится яснее дня. I. Парламент с решительным голосом (сначала из консервативных элементов). II акт. Избирательный ценз постоянно понижается. III. Ценз-0 (всеобщая подача голосов); в парламенте царствует улица (и адвокаты). IV. При парламентском режиме голос большинства под конец становится не только юридически-суверенным, безусловно-обязательным, но (за неимением никакого установленного противовеса) распространяет свою власть на все и вся. Он становится обязательным нравственно. Этика заменяется правом. Вот как только этот перелом совершится, так государство и идет к уничтожению"⁴⁰.

"При нашем умственном уровне, при наших недисциплинированных нравах и нервах, - делился опасениями Мещерский, - кто может поручиться за то, что выход из нынешнего нескладного положения посредством перехода к конституции не только не явится выходом, но приведет к еще более безвыходному"⁴¹. Не случайно правая группа Госсовета в заседании 17 июня 1906 г. единодушно высказалась против "дальнейшего развития конституционных учреждений"⁴².

Вместе с тем и возвращаться к "старому режиму" правые не собирались. "Ставить просто задачей ее (конституции. - А.Б.) отмену, - полагал Самарин, - очевидно, немислимо: это никого не удовлетворило бы да и ничего не разрешило бы"⁴³. Понимание невозможности и нецелесообразности возвращения к дореволюционному строю, как и неприятие парламентского, было, по-видимому, присуще всем правым. Проблема заключалась в другом - "что предложить теперь взамен?" "Можно предложить решение частных задач, стоящих на очереди, - признавался Самарин, - но общее направление нашей политики, выяснить основные

начала, на которых она теперь должна держаться - это едва ли кто-либо сумеет сделать. Тут требуется некоторого рода творчество"⁴⁴.

Правые с этим не справились. Было предложено несколько вариантов, но это лишь разъединяло их. Одни, как Тихомиров, своеобразно понимая самодержавие, противопоставляли его абсолютизму. "Чем бы ни кончилась современная эпоха смуты, измены, бессилия и позора, ясно одно, - писал Тихомиров, - что общее устройство, полученное Россией в "пореформенную эпоху", - в будущем невозможно. Оно привело к таким страшным последствиям потому, что противуестественно по существу". "Смута 1905 г." представлялась не только следствием революционного движения. Отчасти она имела, по Тихомирову, "вид какого-то разложения России". Последнее в немалой степени связано с абсолютизмом, который "повсюду скомпрометировал монархическую идею и испортил самые династии"⁴⁵.

Думу по манифесту 6 августа 1905 г. он находил "чисто монархическим учреждением" и полагал, что она "пополняет важный пробел, доселе существовавший в наших учреждениях". Отвергалась им лишь система выборов, поскольку она давала "преобладание общегражданской идее" и тем самым неизбежно вводила "в Думу зародыши парламентаризма". Имущественный ценз, "поставляемый единственным мерилем пригодности человека к Царскому законосовещанию, во многих местностях может получить значение прямо антинациональное". Между тем "монархическое представительство", по мысли Тихомирова, "по существу национально и создается представительством социальных слоев"⁴⁶.

В 1909 г. Тихомиров утверждал, что "все учреждения государства Российского, народ России и Верховная Власть единогласно признали акт 3 июня законным" и, на этом основании, полагал, "что и ныне... Император может своей самоличной Волею, по внушению своего единоличного разума, отменять прежние законы и вводить новые законы вне всякого соображения с обозначенным в Основных Законах 1906 года порядком законодательства". В основных законах 1906 г. этому "факту русского государственного права, - считал он, - соответствует только ст. 4". Что касается "способов законодательной работы", то они формулированы очень неудачно, отчего происходит "тяжелый вред": "...как в гражданах, так и в правительственных установлениях исчезает ясное сознание прав Верховной власти, а это равносильно недоумению относительно того, какое учреждение является носителем Верховной Власти". Отсюда - "враждующие партии, спорящие именно по вопросу о Верховной власти", "разногласия" в Думе и Госсвете, "внутренняя борьба за власть", поглощающая силы и время Думы. "В таком смутном состоянии умов... современная Россия не в состоянии успокоиться и приняться за мирную культурную работу". Надо, заключал Тихомиров, привести редакцию Основных законов в соответствие с фактическим положением. Для этого требовалась, по его мнению, "почти чисто кодификационная" работа⁴⁷.

Правые славянофильского толка, подобно Кирееву, исходили из формулы "царю принадлежит воля и действие, народу - мнение" и считали необходимым дополнением государственного строя России Земский собор и местное самоуправление.

Третьи, не вдаваясь в теории, обсуждали и предлагали конкретные меры. Так, в окружении С.Д. Шереметьева обсуждалось "как существенная гарантия для самодержавной власти" перенесение законодательной инициативы "единоственно на ответственность" Госсвета, как на "более надежный и опытный тип учреждения"; в Думу такой законопроект мог поступать только с согласия верховной власти, а по одобрении Думой он снова поступал бы в Госсвет и затем на утверждение царя⁴⁸.

П.Х. Шванебах в начале 1906 г. полагал, что "надо будет отстаивать, как бы легко ни стала даваться реакция, новый дарованный России строй, стараясь очистить его от злокачественных наростов" (имелся в виду избирательный закон 11 декабря 1905 г.)⁴⁹, а в январе 1907 г., по собственной инициативе испросив у Николая II доклад "по общеполитическому вопросу", предложил распустить Думу и изменить избирательный закон, новую Думу не собирать по крайней мере год, "дабы правительство имело возможность вести борьбу с террором, вне непосредственных забот о думских притязаниях". Госсвет должен был все это время оставаться "в качестве законосовещательного учреждения"⁵⁰.

Князь Н.Ф. Касаткин-Ростовский, правый член Госсвета, товарищ председателя Постоянного совета объединенного дворянства, один из лидеров Союза Русского народа в Курской губернии, заявлял: "Я противник парламентарно-конституционных учреждений и сторонник совещательной Думы"⁵¹. И Мещерский советовал "исправить и устранить некоторые недостатки" существующего строя - дать монарху право выбирать из двух мнений, Думы и Госсвета, одно⁵². Известно, что и планы самого Николая II не простирались далее превращения Думы в законосовещательный орган.

Однако, когда перед Первой мировой войной царь вознамерился осуществить их, он не

нашел поддержки среди правых. Министр юстиции И.Г. Щегловитов отказался взять это на себя, а председатель Госсовета М.Г. Акимов, узнав от Щегловитова о намерениях Николая II, "пришел в полный ужас", считая, "что на этом вопросе даже останавливаться нельзя!". Позднее, на аудиенции он, по словам Щегловитова, заявил царю: "Худ или хорош этот порядок, - но на нем помирился весь мир, и поэтому мириться с ним нужно и Вам"⁵³.

18 июня 1914 г. на заседании Совета министров в Петергофе Николай II поставил-таки вопрос о пересмотре положения. При этом, в подтверждение необходимости возвращения к Положению 6 августа 1905 г., он сослался, по словам Щегловитова, на отклонение правым большинством Госсовета законопроекта о введении в Царстве Польском городского самоуправления, обещанного им полякам. Большинство министров высказалось против⁵⁴.

Приходило понимание, что "самое лучшее средство служить делу истинно консервативных начал - это пользоваться для их проведения в жизнь народа и государства всеми представляющимися политическими средствами, а не отвергать в принципе этих новых средств". Становилась ясной "всегдашняя ошибка консерваторов всех стран: сначала отвергают, как опасное новшество, участие народа (или интеллигентной части народа) в управлении страной; потом дуются на конституцию. А когда, в конце концов, спохватившись, хотят пользоваться конституционными правами для защиты своего дела, - оказывается, что опоздали"⁵⁵. "Новая эпоха после 17 октября при всех ужасах имеет ту хорошую сторону, - говорил граф Д.А. Олсуфьев, - что пробудила общественное самосознание, вызвав на борьбу консервативные элементы, прежде мирно покоившиеся в люльке административной опеки"⁵⁶.

"Новый строй" открывал для правых и ряд новых возможностей. Прежде всего, перспективу организовать⁵⁷. Очень скоро правые поняли, что законодательные учреждения позволяют им корректировать политику правительства. Отсюда их возмущение частым обращением последнего к ст. 87 или инструкционному порядку⁵⁸. От них стали зависеть в определенной мере и бюджетные ассигнования.

Осознали правые и возможность существенно скорректировать законодательство 1904-1905 гг. В этом отношении имеются поразительные по откровенности высказывания. Так, А.С. Стишинский, при обсуждении законопроекта "О преобразовании местного суда", доказывал, что указ 12 декабря 1904 г. не может связывать их волю: "Хотя такой указ издан, тем не менее он не стесняет (это было и до введения народного представительства, а тем более имеет значение и теперь) свободного выражения законодательными установлениями мнения о том, что цель, указанная в таком предварительном Высочайшем акте, не может быть достигнута разрешением вопроса в том направлении, которое намечено этим актом"⁵⁹.

Принципиально обрисовал свою позицию представитель курского земства в Госсовете М.Я. Говорухо-Отрок: "Вообще я против того, чтобы при рассмотрении данного вопроса ссылались на то, как делал гр. С.Ю. Витте, что говорили и писали и что постановляли в 1904-1905 гг. Когда это писали и постановляли, то нас, с одной стороны, вовсе не спрашивали, а с другой стороны - тогда же постановили и написали, чтобы призвать нас по выбору и спросить нашего мнения... Если они теперь спрашивают нашего мнения, то с откровенностью мы можем сказать одно: напрасно Вы, Ваши Превосходительства, все это написали!"⁶⁰

Это была хорошо продуманная линия поведения, своего рода политический курс, и правые Госсовета ему следовали неуклонно. "Опыт наш постоянно свидетельствует о том, - говорил протоиерей Т.И. Буткевич, - что несовершенные законы прежнего времени, которые, быть может, даны были в виду каких-нибудь случайных обстоятельств, например, в виду недостатка средств, мы находим неудовлетворительными и заменяем их более совершенными и более твердыми"⁶¹.

Восприятие правыми "нового строя" во многом определялось взаимоотношениями их с Николаем II. Здесь следует отметить, прежде всего, широко распространенное среди них недовольство персоной императора. От бессилия закрепить его на безоговорочно правой позиции у них опускались руки. "Вообще про царя нашего, - суммировала наблюдения гостей своего салона А.В. Богданович, - можно сказать, что он - загадка, сегодня он правый, а что завтра будет, покрыто мраком неизвестности"⁶². "Он не дается, несмотря на всю слабость характера", - утверждал Стишинский⁶³. Не устраивал и масштаб личности самодержца: "слабейший из царей" (выражение Тихомирова) осознавался главной причиной смуты. "Все мы узвлены и оскорблены, - возмущался Шереметев. - Все кругом словно сбито с толку - кто в лес, кто по дрова, и несется околесина по всей земле Русской, а все от одной главнейшей причины - от сознания пустого места там, где должны быть творческие силы"⁶⁴.

Весной 1906 г. разоренные и деморализованные, едва представленные в законодательных учреждениях, напуганные планами правительства, дворяне бросились к трону. "Без поддержки царя, - заявил один из инициаторов дворянского объединения, самарский губернский

предводитель и член Госсовета от дворянства А.А. Чемодуров, - дело наше погибло, погибла Россия. Мы должны сказать царю, чем страдает Россия. Если наш голос будет услышан, мы в будущем будем на пути объединенного служения России"⁶⁵.

Однако раздражение против дворянского либерализма и иллюзии относительно консерватизма крестьянства делали Николая II глухим к голосу дворянства. Любопытный эпизод из истории совещаний о Булыгинской думе приводит Витте: "Тупые носители дворянских идей, между прочим граф Бобринский, стремились к предоставлению при выборах особых привилегий дворянству. Это дало повод великому князю Владимиру Александровичу бросить им в глаза жестокий, но справедливый упрек, что дворянство все на словах кричит о своей преданности самодержавному государю, а между тем, кто, если не дворяне систематически вели линию к его ограничению"⁶⁶.

Характерны впечатления Киреева: "Петергофские заседания кончились очень плохо. Программа нашего союза была отклонена, принята министерская... Государь, по-видимому, настроенный очень хорошо, был сбит с толку разными бюрократами... Государю было (в частном письме) объяснено нами консерваторами очень подробно и ясно положение дел, между прочим была доказана необходимость присутствия в Г[осударственной] Думе дворян, крестьян и духовенства, как таковых. Сам царь спас крестьян, но духовенство и дворянство - провалились... Это после многократных заявлений царя о том, что он хочет, чтобы все делалось как "встарь"... Дела стоят так: Принцип монархический - в теории - стоит твердо, т.е. Дума имеет характер совещательный: решает царь. Дворянство как фактор политический перестает существовать. Сословие двор[янское] осталось, оно будет представлять адреса, давать обеды и балы (пока совершенно не разорится), но несомненно будет поглощено землевладением"⁶⁷.

В феврале 1908 г. царь долго не отвечал на адрес московского дворянства. Киреев с горечью отмечал: "Выбор значительным большинством [А.Д.] Самарина славянофила (resp. черносотенца) и адрес царю, конечно, указывают на поворот обществ[енного] мнения к антиконституционному, к теории самодержавия. Эта демонстрация со стороны царя не только характерна, но и прискорбна; она очень тяжело отозвалась в сердцах верноподданных московских дворян древней Москвы... Правые все опечалены". Но если бы только это! Игнорируя дворянский адрес, царь милостиво принимает ("более получаса!") "неотесанного" Дубровина⁶⁸. Полученный, наконец, ответ разочаровал и еще более усилил обиду. "Отметка холодна, - досадовал можайский предводитель, - и дышит "Союзом 17 октября"... Не такого, конечно, отношения смело ожидать большинство Московского дворянства"⁶⁹.

Дворяне продолжали раздражать Николая II. "На днях, - возмущался он в письме к матери 27 марта 1908 г., - идиот гр. Олсуфьев в Госуд. Совете сказал, что Госуд. дума оказалась патриотичной тем, что она хочет отказать в деньгах на флот. Я нахожу, что это гораздо хуже и опаснее, чем то, что говорят и пишут революционеры"⁷⁰.

В ходе тех же Петергофских совещаний 1905 г. сложилось, - писал Витте, - "как бы общее суждение, что единственное, на кого можно положиться при настоящем смутном и революционном состоянии России, есть крестьянство, что крестьяне представляют собою консервативный оплот государства"⁷¹. Об этом же свидетельствовал и П.Н. Милуков: "Мысль, что можно опираться на крестьян и что дворянство надо откинуть в сторону, как сословие политически ненадежное, - эта мысль существовала даже в это время (перед I Думой. -А.Б.)"⁷².

Более других это подтверждают сами дворяне, выплескивавшие обиду, раздражение и озлобление по адресу правительства. "Привилегированным сословием являются крестьяне, потому что все кланяются, хотят им услужить, считают, что это сила. Но почему мы должны сойти до страниц истории?"⁷³. Подобные сетования были типичными и распространенными. Отсюда угрозы "внешним врагам сословия, и правительству, и недоброжелателям внутренним"⁷⁴. Отсюда и настойчивые советы Николаю II опираться только на правых⁷⁵.

Недовольство некоторых правых личностью царя заходило далеко. Граф А.П. Игнатьев, по свидетельству его сына, "с болью в душе сознавал ничтожество Николая II и мечтал о "сильном" царе, который-де сможет укрепить пошатнувшийся монархический строй". Ради этого он "был готов даже на государственный переворот"⁷⁶. О том же упомянул и митрополит Антоний (Храповицкий) в письмах к Б.В. Никольскому. Он мечтал о царе-хозяине, и ударе стояло, как справедливо заметил Б.И. Николаевский, на "хозяине", а не на "царе легитимном"⁷⁷. 17 января 1913 г. Л.А. Еленева, урожденная княжна Абамалек, показала, в качестве свидетельницы, следователю Винницкого окружного суда: "В 1908 или 1909 году, точно не помню, В.М. Пуришкевич, придя однажды в квартиру, где я проживала с моей матерью, княгиней Анною Ивановною Абамалек, в моем присутствии дерзко отозвался о Государе Императоре и произнес фразу, дословно восстановить которую я теперь, за давностью времени,

не могу, но смысл которой был тот, что он, Пуришкевич, не сочтет за грех, если убить... Государя... Названное заявление Пуришкевича было следствием разговора о каких-то правительственных мероприятиях, не нравившихся Пуришкевичу"⁷⁸.

У правых не было уверенности в Николае II как гаранте правого курса. Н.Е. Марков, выступая на V съезде объединенного дворянства и выразив радость по поводу того, что царь обнаружил "благодарное отношение, по примеру своих предков, к русскому дворянству и обещал его не обижать", вместе с тем заявил: "Но все-таки нам необходимо и самим хлопотать, нам нужно помнить, что жизнь идет вперед, жизнь меняется, мы не должны забывать, что после манифеста 6 августа последовал манифест 17 октября, мы не должны забывать, что 6 августа, собственно говоря, была признана незыблемость основ, а 17 октября последовал другой манифест, смысл которого темен и до сих пор не получил утвердительного правильного толкования... Во всяком случае даже его императорское величество есть человек и может изменить свое мнение, поэтому нам необходимо не успокаиваться на тех обещаниях, на рискованных надеждах, которые мы имели"⁷⁹. Вот почему на вопрос в следственной комиссии Временного правительства - "входило ли изменение положения о Государственной думе" в планы правой группы Госсовета? - Щегловитов ответил однозначно: "Нет"⁸⁰.

В этом отсутствии уверенности в отношении царя и кроется, на наш взгляд, одна из причин того, что вынашиваемые Николаем II планы возвращения "к прежнему спокойному течению законодательной деятельности" так и не вышли за пределы обсуждения. Прав был В.А. Маклаков, когда писал, что правые "вернуться к эпохе настоящего Самодержавия, уничтожить представительство... не только были не в силах, но уже не хотели"⁸¹. Говорухо-Отрок приходил к заключению, что "надо поставить крест над старой политической верой", что "после 17-го октября уже само самодержавие поставило крест"⁸².

Конечно, расстаться с мечтой было нелегко. "Пока в Осн[овных] Зак[онах] существует слово "самодержавие", хотя и оципанное, - писал один из фанатиков осенью 1915 г., - оно может возродиться во всей его исторической полноте и могучей силе"⁸³.

Неприятие столыпинского курса не только характеризовало, но и сплачивало правую группу Госсовета. П.А. Столыпин разочаровал и настораживал правых уже в качестве министра внутренних дел⁸⁴, а некоторых, как, например, Шереметьева, еще раньше - в бытность свою саратовским губернатором. Столыпина-премьера они "раскусили" сразу, до правительственной декларации, уже в июле 1906 г. Путь, на который становится Столыпин, - "это путь наружной твердости, в сущности же, в общем, путь уступок" с опорой на октябристское большинство Думы, утверждал граф Н.Е. Комаровский. Неизбежными результатами представлялись "начало разложения России" и "мобилизация Русской земли в пользу евреев и подчинение им всех экономических сил страны"⁸⁵. "Я лично по некоторым существенным вопросам безусловно не могу поддерживать нынешнее министерство, - писал 5 января 1907 г. Самарин, - да боюсь даже как бы не оказалось, что это не только по некоторым, а по всем кроме разве внешней полицейской борьбы с революцией"⁸⁶. В марте 1907 г. правая группа Госсовета в совещаниях у Гончарова обсудила и одобрила составленную по ее поручению Стишинским записку против затеваемых Столыпиным реформ⁸⁷.

Различные аспекты политики Столыпина и его программа обсуждались как между отдельными членами правой группы, так и в общих ее собраниях. Из дневника осведомленного Шереметьева видно, как раздражала их и "жалкая роль Васильчикова", и необходимость просить Столыпина разрешить "земствам обсуждать готовящуюся земскую реформу" ("Правительство!!!"), и "канитель с Думой", которая "из балагана превратилась в кабак", и желание правительства быть "конституционным" ("какая преступная комедия!"), и "стремление П. Столыпина влиять на выбор членов" Госсовета ("вторжение в чужой приход"), и "ненормальность положения Синода" ("жалкая и недостойная роль О[бер]-прокурора")⁸⁸.

Распределение членов Госсовета по группам в первую его сессию свидетельствует о явном преобладании представителей либерально-монархического лагеря: входившие в левую (12 человек) и центр (93) даже без близких им из числа министров (11), внепартийных (5) и неопределивших свою групповую принадлежность (29) составляли более половины (54%)⁸⁹. Порождаемая этим соотношением возможность эволюции политического строя империи сохранялась до 1910 г. и вызывала тревогу и негодование в стане правых⁹⁰. В 1910 г. либеральная доминанта становится проблематичной: левая и центр получают преобладание лишь с присоединением к ним части внепартийных. Каждый голос приобретает значение, и в этих условиях правая группа с ее жесткой дисциплиной начинает все чаще определять решения "второй палаты".

Основная тенденция перемен в Госсовете - поправение: численность и удельный вес центра снижается с 95 (50%) в конце второй сессии (3 июня 1907 г.) до 51 (26,3%) к 1 января 1917 г., 58

Итогда как численность и удельный вес правой группы за первые пять лет почти удваивается - 43 (22%) в начале июля 1906 г. и 79 (40,7%) на 1 января 1910 г.; правда, после этого доля правых колеблется, снижаясь до 34,5% к 1 января 1912 г. и более значительно к 1 января 1916 г. - до 29,4%; однако снижение удельного веса центра за эти же годы было опережающим, так что на 1 января 1916г. доля правых оказалась несколько выше доли центра; к 1917г. значение центра еще более упало, а правой группы - резко возросло. Накануне последней сессии, начавшейся 14 февраля 1917 г., соотношение сил в Госсовете было следующим: левая насчитывала 19 членов (9,8%), центр - 50 (25,9%), кружок внепартийного объединения - 15 (7,8%), правый центр - 23 (11,9%), правая - 71 (36,8%), внепартийные - 5 (2,6%), министры - 10 (4,7%). Таким образом, "прогрессивный блок" в феврале 1917 г. располагал в "верхней палате" 84 голосами; из внепартийных к нему мог присоединиться лишь М.А. Стахович, из министров - Н.Н. Покровский и, может быть, П.Л. Барк и И.К. Григорович; это не составляло и половины (45,6%) общего числа членов на 14 февраля.

Некоторые конкретные причины поправления Госсовета выясняются при анализе состава назначенных и выборных. К концу I сессии подавляющее большинство выборных - 75,2% - входило в левую и центр; правые составляли всего лишь 15,5%. В последующие годы численность правых быстро растет и на 1 января 1911 г. удваивается. Это был самый высокий процент, когда-либо достигаемый правыми среди выборных. Однако и в этом случае их доля не превысила и трети - 30 членов. Они представляли дворянские общества (9), земства (14), духовенство (6) и съезд землевладельцев Витебской губернии (1). В условиях войны в составе выборной части Госсовета произошел значительный сдвиг влево. В результате проходивших в августе-октябре 1915 г. выборов (в связи с окончанием срока у части выборных членов), а также переходов из группы в группу численность левой возросла на 9 человек (1 от торговли, 2 от промышленности и 6 от земств), кружка внепартийного объединения - на 1 и правого центра - на 7; сократилось число членов центра на 3 и правой - на 13⁹¹. Члены "прогрессивного блока" среди выборных составляли на 1 января 1916 г. 62,5%. После выборов, переходов и других перемен (отказы, смерти) в личном составе групп на протяжении 1916 г. удельный вес "прогрессивного блока" среди выборных еще более возрос - на 1 января 1917 г. он составил 67,7%. Блоку среди выборных противостояли 17 членов правого центра (5 от дворянских обществ, 11 от земств и 1 от духовенства), 13 правых (5 от дворянства, 3 от земств и 5 от духовенства) и 1 внепартийный от дворянства. Таким образом, самодержавие не могло найти среди выборных членов Госсовета достаточного числа сторонников, чтобы парализовать поползновения "прогрессивного блока". Оставалось опираться на бюрократию.

Среди назначенных никто в левую группу не входил. Удельный вес центра в конце I сессии составлял 33,7% (33 человека). Его последующее повышение до 38,5% (37 человек) к концу II сессии и, особенно, назначения 1 января 1907 г. укрепили правых в подозрениях, что явление это не случайно⁹². Однако уже следующие назначения⁹³ имели прямо противоположный характер - удельный вес центра стал снижаться. Это было прямым следствием политики Николая II. "При современных обстоятельствах, - писал он 23 марта 1907 г., - я считаю необходимым назначать членами Государственного совета людей русских и крепких. Таковым первым моим кандидатом является проф. Пихно - редактор "Киевлянина". Уведомьте его об этом и передайте ему вместе с тем мою надежду, что он будет продолжать свое полезное издание и по назначении членом Гос. Совета"⁹⁴.

Выражением этого курса было и назначение 12 апреля 1907 г. председателем Госсовета Акимовым вместо умершего Фриша; последний, по свидетельству Шипова, хорошо понимал "необходимость обновления нашей государственной жизни", в то время как Акимов "заведомо относился отрицательно к преобразованию государственного строя, согласно манифесту 17 октября"⁹⁵.

Мудрено ли после этого, что лишь 9 из всех назначенных с конца I сессии и до февраля 1917 г. вступили в группу центра, в то время как потери ее были куда более значительнее: за эти годы 12 членов умерли, 4 были назначены министрами, 1 - генерал-губернатором, 1 сошел с ума, 5 исключены из списка присутствующих по их просьбам в связи с болезнью или старостью, 14 исключены без просьб как неудобные или, как 9 исключенных в конце декабря 1916 г., чтобы освободить место правым; 12 перешли в другие группы, - всего 49. И, конечно же, центр как группа неминуемо прекратил бы существование много раньше 1917г., если бы не переходы из других групп: к концу II сессии в него вошли 8 из тех, кто в первую сессию никак не обозначил свою групповую принадлежность; затем по 1 переходило в 1907, 1908, 1914 и 1915 гг., по 2 в 1911 и 1912 гг. - всего 16. Вот почему в феврале 1917 г. в группе центра все еще оставалось 9 назначенных членов.

Правые среди назначенных составляли к концу I сессии 28,6% (28 человек). На 1 января

1910 г. их было уже более половины. Столь быстрый рост их числа объясняется преимущественно назначениями: из 38 назначенных к присутствию за это время 22 вошли в правую группу и 5 в центр, 5 оказались внепартийными, 4 были министрами и 2 не успели обнаружить свою групповую принадлежность из-за смерти, последовавшей вскоре за назначением. Это не было случайным. Киреев пометил в дневнике за 16 января 1909 г.: "Есть несомненно политическое течение в смысле черносотенности. 6 человек, назначенные теперь в Госуд. Совет, - этого направления. Но чья эта работа!?"⁹⁶ М.М. Ковалевский не сомневался: "Состав Совета пополнялся членами по назначению, рекомендуемыми государю не председателем Совета министров, а председателем Государственного совета"⁹⁷.

Не всех, однако, устраивала отводимая им роль: в декабре 1910 г. 3 назначенных члена из правой группы перешли в образовавшийся тогда кружок внепартийного объединения. В 1911 г. из числа назначенных правых 6 перешли в другие группы. С января 1912 г. по 1 января 1916 г. из 38 назначенных к присутствию 18 вошли в правую группу, 1 - в правый центр, 3 - в центр, 4 - в кружок внепартийного объединения, 3 объявили себя внепартийными, 9 были министрами. Однако это не обеспечивало рост даже назначенной части группы: назначения 1911 г. и 1 января 1912 г. дали правой 5 членов, но не восполнили убыли (-9); назначения в течение 1912 г. дали правым 4 члена, что и обеспечило рост (+4); назначения в 1913 г. и 1 января 1914 г. оказались недостаточными, и численность назначенных правых сократилась на 3 члена; назначенных в течение 1914 г. оказалось достаточно лишь для того, чтобы удержаться на этом низком уровне; из 5 назначенных 1 января 1915 г. ни один не примкнул к правой группе; 24 ноября 1915 г. к присутствию были назначены 4 правых, и назначения 1 января 1916 г. дали 1, что позволило чуть перекрыть убыль (+1).

Дело в том, что с 1911 г. влияние правых на назначение членов Госсовета к присутствию несколько ослабло. С середины октября 1911 г. занятия Госсовета возобновились, а ситуация, с точки зрения правой группы, была непростой: среди назначенных оставались незамещенными 8 вакансий, много среди правых было безнадежно больных, и они не посещали заседания. Между тем холодок в отношениях с царем (после расправы Столыпина с правыми в марте 1911 г.) оставался: Николай II в Ливадии, и Акимов не вызывает, а последний "сам просить разрешения приехать не хочет"⁹⁸.

В середине декабря 1911 г. Акимов впервые список с новыми назначениями членов получил "из Ливадии - готовый" и не без оснований увидел в нем "следы давлений" различных сановников⁹⁹. Действительно, В.Н. Коковцов, недавно назначенный премьером, проводил в Госсовет А.А. Поливанова и С.И. Тимашева; кроме того он хотел провести и кандидатов Столыпина "по уважению к его памяти и выраженному им предсмертному желанию"¹⁰⁰. А.С. Танеев и А.В. Кривошеин проводили своих товарищей - Н.А. Воеводского и Б.И. Иваницкого, а киевский генерал-губернатор Ф.Ф. Трепов - начальника юго-западных железных дорог К.С. Немешаева. Последний представлялся лидерам правой "вполне неблагонадежным", а главное, их возмущало пополнение Госсовета "неудавшимися администраторами и департаментскими чиновниками", зависимыми от правительства, которому правые не доверяли: его отношение к столыпинскому наследию для них было не ясно¹⁰¹. Акимов "в своем докладе указал на необходимость уравновесить новый состав людьми твердых убеждений, вполне самостоятельными, не могущими подпасть ни под чье влияние. Оставались только две вакансии, и по указанию М.Г. Акимова они были замещены гр. Бобринским и Хвостовым"¹⁰². Последний был из списка Акимова. Что касается лидера объединенных дворян, то, кроме того, что ему самому "хотелось восторжествовать"¹⁰³, за него хлопотал Дурново¹⁰⁴. "Глубоко огорчен назначениями новых членов Гос. совета, - писал Шереметьев. - Полное торжество старой рутины... И это накануне важнейших законодательных опытов, когда речь идет быть или не быть. Знакомое ослепление, плачевное недомыслие, беспомощная безнадежность! Сердце болит, бежать отсюда да подальше!"¹⁰⁵

Пессимизм правых имел более глубокую основу, нежели только январские назначения. На первый план выступали внешнеполитические проблемы, а здесь расхождение правых с Николаем II усиливалось, захватывая и вопросы внутренней политики. Так, правые Госсовета, в третий раз отклонив предположение Думы о допущении словесных объяснений в заседаниях городских дум на польском языке, провалили законопроект о введении городского положения в Царстве Польском. Царь же хотел, "чтобы язык этот был допущен с целью улучшить положение поляков, сравнительно с положением в Австрии, и тем привлечь их симпатии на сторону России"¹⁰⁶.

В виду болезни Акимова 15 июня 1914 г. и.о. председателя Госсовета был назначен И.Я. Голубев, а вице-председателя - С.С. Манухин. Встревоженные правые усмотрели в этом возвращение "времен Столыпина и сильный поворот в сторону поляков и левых"¹⁰⁷. "Это

катастрофа и грозящая многими бедами, - писал Шереметьев Булыгину 17 июня. - Говоря современным языком, этот сдвиг в Государственном совете приводит меня к самому горькому и зловещему сознанию. Больше писать не могу"¹⁰⁸. На аудиенции в Петергофе 8 июля 1914 г. Шереметьев развил (не в первый раз) мысль о необходимости пополнить Госсовет земскими, знающими деревенскую жизнь, ибо "бюрократических у нас много"¹⁰⁹.

В январе 1915 г. правые, находя пребывание Голубева на должности председателя Госсовета вредным, обратились за помощью к И.Л. Горемыкину. С той же целью Шереметьев использовал аудиенцию в Царском Селе 8 января 1915 г. "Я продолжал, - записал он потом в дневнике, - что неопределенности выбора волнуют многих членов, особенно в виду того, что группа правых уже лишилась некоторых своих членов..., что умаление членов усиливает другие и теряется равновесие... Государь ясно сказал: «Найдем, и правого»..."¹¹⁰

Ослабление позиций в Госсовете беспокоило правых в связи с перспективой, которая рисовалась им весьма тревожной: "Ряды правых редеют (только что умер А.Н. Шварц. - А.Б.), а левые умножаются и подготавливают себе большинство ко времени окончания войны. Недаром на почве помощи раненым процвели союзы городов и земств и наполнились левыми деятелями, которые потребуют уплаты за то, что во время войны вели себя прилично и были патриотами"¹¹¹. В то же время продолжал настораживать своими неожиданными решениями царь. 21 января 1915 г. министр внутренних дел Н.А. Маклаков был назначен членом Госсовета, и у правого крыла возникает подозрение: "не подготавливает ли этим удаление Маклакова, который теперь мало подходит, и не подкрашивает ли ему пиллюлю?"¹¹²

Поскольку назначение председателя Госсовета откладывалось "в долгий ящик"¹¹³, Горемыкин в конце января 1915 г. "вступил в право Столыпина", т.е. получил право докладывать царю о вакансиях по Госсовету¹¹⁴. Это еще не возвращало дело назначения в руки правых, но все же ставило под их контроль.

Перед возобновлением занятий законодательных учреждений, 15 июля 1915 г., царь снова огорчил правых: председателем Госсовета был назначен А.Н. Куломзин. "Обухом хватило меня назначение К[уломзина]"¹¹⁵, - жаловался Шереметьев. "Радоваться не могу, - сетовал он на царя Булыгину. - Какова последовательность. Недавний опальник, сосланный в деревню. И вот!... мне тяжело на месте благородного Акимова видеть либерального чиновника Александровских времен. Никак несоответствующий слышанного мною лично удостоверения, что назначен будет непременно правый. Впрочем мало ли что я слышал неисполненного"¹¹⁶.

Образование "прогрессивного блока" обострило вопрос о пополнении Госсовета правыми. "Если правительство за блок, - писал Шереметьев Булыгину 20 октября 1915 г., - то и говорить нечего, но если нет, то усиление Г[осударственного] С[овета] доброкачественными членами настоятельно нужно"¹¹⁷. В борьбу правых включился министр внутренних дел А.Н. Хвостов. Совместно с правыми Госсовета были намечены кандидаты, и Хвостов провел их путем доклада царю, предварительно посетив с С.П. Белецким А.А. Вырубову, которой "в подробностях разъяснил значение укрепления правого крыла Государственного совета в предстоящую сессию, как необходимого, в интересах трона, противовеса Государственной Думе"¹¹⁸. 24 ноября 1915 г. были назначены в Госсовет 4 правых.

13 декабря 1915 г. Шереметьев, будучи принятым Горемыкиным, "пустил в ход слово "чистка" Государственного совета"¹¹⁹. Она и была осуществлена в последних числа декабря 1916 г. К тому времени соотношение сил в Госсовете изменилось в пользу "прогрессивного блока"¹²⁰. Из списка присутствовавших было исключено 18 членов, среди которых 9 из центра, 2 из числа внепартийных, 1 из кружка внепартийного объединения, 5 правых, которые по разным причинам не могли бывать в заседаниях, и Б.В. Штюмер - по настоянию правой группы. 18 вновь назначенных имели, по замечанию Таганцева, "только одну заслугу, что... обещали быть правыми"¹²¹. Удельный вес правых среди назначенных поднялся до 57,1%, что не только компенсировало потери правых среди выборных членов, но и обеспечило им в союзе с правым центром, министрами и четырьмя внепартийными явное преобладание в общем собрании Госсовета¹²². Председателем Госсовета был назначен лидер правой группы Щегловитов, а вице-председателем В.Ф. Дейтрих, из правого центра.

Примечания

¹ Дневник А.А. Половцова. 1906 г. // Красный архив. 1923. № 4. С. 106.

² Шипов Д.Н. Воспоминания и мысли о пережитом. М., 1918. С. 433.

³ Дневник А.А. Половцова. С. 107.

⁴ Шипов Д.Н. Воспоминания... С. 433-438; Страницы автобиографии В.И. Вернадского. М., 1981. С. 207.

⁵ Дневник А.А. Половцова. С. 108. «Влияние Самарина в Госсовете растет, - радовался А.А. Киреев. - Вот это "настоящий"!» РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1980, л. 124 (письмо А. Киреева, Павловск, 10 мая 1906 г. - К. П. Степанову в Москву).

⁶ Дневник А.А. Половцова. С. 108. Названы из назначенных братья Н.П. и А.П. Игнатьевы, К.И. Пален, А.И. Пантелеев, И.И. Шамшин, из выборных кн. Н.Ф. Касаткин-Ростовский, А.А. Нарышкин, В.Э. Ромер, О.Р. фон Экспарре, А.П. Струков. Было также "несколько выборных членов, фамилии коих" не были известны Половцову.

⁷ "Консервативных до - 50", - сообщал 11 мая 1906 г. правый член Госсовета А.А. Чемодуров Л.А. Кисловскому. ОР РГБ, ф. 130.10.17/1-2, л. 21 об. "Всех нас "правых" было тогда около 50-ти человек", - вспоминал выборный от духовенства Т.И. Буткевич. ГА РФ, ф. 1463, оп. 2, д. 382, с. 3885 (Мемуары протоиерея Тимофея Буткевича).

⁸ Дневник А.А. Половцова. С. 111. А.Д. Степанский считает эту дату "днем возникновения правой группы" (Степанский А.Д. Политические группировки в Государственном совете в 1906-1907 гг. // История СССР. 1965. № 4. С. 53).

⁹ См. об этом показания Б.В. Штюмера в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (Падение царского режима. Т. 1. Л., 1924. С. 236).

¹⁰ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5072, л. 175-175 об. С.Д. Шереметьев - NN (П.П.Ю.), 27 марта 1906 г. "Мне очень досадно, - жаловался сыну другой член правой группы, - что наше имение приходится продавать так дешево, теперь очевидно, что его нужно было продавать раньше, когда давали до миллиона рублей. Смута жидовская, заразившая всю Россию, нас ограбила, а всю Россию разорила". РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1981, л. 86. (гр. Н.П. Игнатьев. СПб., 22 мая 1906 г. - гр. Л.Н. Игнатьеву, в Москву).

¹¹ Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1906. С.3. Оскорбленное национальное чувство тут, конечно, имело место. "Ненависть к революции, - утверждал В.В. Шульгин, - мы всосали, если не с молоком матери, то с Японской войны" (Шульгин В.В. Дни. Белград, 1925. С. 227).

¹² Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 388-389.

¹³ Даже В.К. Плеве, по свидетельству влиятельной и осведомленной А.Н. Нарышкиной, "перед смертью... говорил: так сильна революция, что силою ее не удержишь". РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5080, л. 52 (А.Н. Нарышкина - С.Д. Шереметьеву, 5 июля 1907 г.).

¹⁴ Записка Шванебаха. Июнь 1906 г. // Голос минувшего. 1923. № 2. С. 41.

¹⁵ Тихомиров Л.А. Указ. соч. С. 383.

¹⁶ Шульгин В.В. Указ соч. С. 193. Этот взгляд Шульгина сформировался под влиянием его отчима Д.И. Пихно, редактора "Киевлянина" и члена Государственного совета с марта 1907 г., убежденного, что "революции делаются от того, что в Петербурге трясутся... Там настоящая причина революции - боязнь, слабость", (Там же. С. 6—7.)

¹⁷ Пасхалов К. Погрешности обновленного 17 октября 1905 года Государственного строя и попытка их устранения. М., 1910. С. 5.

¹⁸ Утверждая так, А.С. Стишинский ссылаясь на пример Донской области: там и во время русско-японской войны "вооруженная сила была под рукой начальства", поэтому "никаких вспышек не было среди гражданского населения", составлявшего "почти половину" населения области (Государственный совет. Стенографические отчеты. 1911-1912 годы. Сессия седьмая. СПб., 1912. Стб. 1779). С.Д. Шереметьев, со своей стороны, указывал на "перелом", совершенный Ф.В. Дубасовым в Москве: "Вот что значит, когда истинно Русский человек заговорил истинно Русским твердым, правительственным языком, требующим себе прежде всего уважения и доверия. И оно уже им достигнуто, а высшее правительство не заслуживает ни того, ни другого, а потому и столь слабосильно; но как бы то ни было, поворот сделан, волею-неволею и возвращаться к уступкам, к отречению от самого себя правительству уже невозможно!" РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5071, л. 39 об. — 40 (С.Д. Шереметьев - кн. Е.В. Голицыной, 5 января 1906 г.).

¹⁹ Тихомиров Л.А. Указ. соч. С. 667-668, 371-372, 388, 390.

²⁰ ОР РНБ, ф. 127, д. 17.

²¹ ОР РГБ, ф. 265, оп. 190, д. 32, л. 88. (А.А. Киреев - Ф.Д. Самарину, 20 октября 1905 г.).

²² РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5069, л. 154-154 об. (А.П. Сипягина - С.Д. Шереметьеву, 19 октября 1905 г.).

²³ Там же, л. 177-177 об. (С.Д. Шереметьев - А.П. Сипягиной, 23 октября 1905 г. Копия). Сходный комплекс чувств испытал 72-летний А.А. Киреев: "Мы стоим перед конституцией, перед тем, чего более всего боюсь, что более всего ненавижу, в чем вижу гибель и моей Родины, и моей церкви..." ОР РГБ, ф. 265.190.32, л. 98 (А.А. Киреев - Ф.Д. Самарину, 20 октября 1905 г.).

²⁴ ОР РГБ, ф. 126,14, л. 119. Дневник А.А. Киреева. Запись 31 декабря 1905 г. Об этом же говорится в письме к Ф.Д. Самарину от 31 декабря (Там же, ф. 265.190.32, л. 28). Еще раньше А.А. Киреев возмущался: "Если бы Вы знали, как глупо-постыдно была дана конституция!" (Там же, л. 34).

²⁵ Там же, л. 45 (А.А. Киреев - Ф.Д. Самарину, 23 января 1906 г.).

- ²⁶ Выражение С.Д. Шереметьева.
- ²⁷ Олсуфьев, гр. Д. В Зимнем дворце. 27 апреля (10 мая) 1906 года (К 25-летию открытия нашего народного представительства)//Возрождение. 1931. 10 мая.
- ²⁸ Суворин А. Дневник. М., 1992. С. 426.
- ²⁹ ГА РФ, ф. 434, оп. 1, д. 2, л. 124. Цертелев, кн. Д.Н. Доклад Тамбовскому очередному дворянскому собранию.
- ³⁰ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5051, л. 114 об. Дневник гр. С.Д. Шереметьева.
- ³¹ Там же, д. 5069, л. 178.
- ³² ОР РГБ, ф. 265.190.32, л. 45 (А.А. Киреев - Ф.Д. Самарину, 23 января 1906 г.).
- ³³ Там же, ф. 126.14, л. 103 об. Дневник А.А. Киреева. Запись 29 октября 1905 г.
- ³⁴ Там же, л. 104-104 об.
- ³⁵ РГИА, ф. 1162, оп. доп. к XVI т., д. 4, л. 98-106 об. Брошюра (М.: Печатня А.И. Снежковой, 1906) с пометой статс-секретаря барона Ю.А. Иксуля "Получено от Его Величества 16 марта 1906 года".
- ³⁶ Пасхалов К. Указ. соч. С. 7-10.
- ³⁷ Гражданин. 1911. № 2. С. 5.
- ³⁸ Там же. 1913. №9. С. 18; №47. С. 14.
- ³⁹ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5083, л. 198-198 об. (Ф.Д. Самарин - С.Д. Шереметьеву, 10 февраля 1908 г.).
- ⁴⁰ ОР РГБ, ф. 126.14, л. 294. Дневник А.А. Киреева. Запись 2 июня 1908 г.
- ⁴¹ Гражданин. 1911. №45. С. 16.
- ⁴² Дневник А.А. Половцова. С. 116.
- ⁴³ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5089, л. 57 (Ф.Д. Самарин - С.Д. Шереметьеву, 6 января 1909 г.).
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Тихомиров Л.А. Указ. соч. С. 401,402, 668.
- ⁴⁶ Там же. С. 669-674. "Монархическое представительство", по Тихомирову, есть "представительство народного духа, интересов, мнений" и противопоставляется "представительству народной власти и воли". (Там же. С. 575).
- ⁴⁷ Цитируемая статья - "Верховная Власть и Основные Законы 1906 года" - была опубликована в "Московских Ведомостях" (№ 231, 233 и 239 за 1909 г.), а в виде брошюры отложилась среди бумаг государственного секретаря бар. Ю.А. Иксуля (РГИА, ф. 1162, оп. доп. к XVI т., д. 4, л. 60-66).
- ⁴⁸ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5074, л. 379-379 об.
- ⁴⁹ Записка Шванебаха. Июнь 1906 г. С. 42.
- ⁵⁰ Шванебах П.Х. Записки сановника // Голос минувшего. 1918. № 1-3. С. 120.
- ⁵¹ Государственный совет. Стенографические отчеты. 1907-1908 годы. Сессия третья. СПб., 1908. Стб. 2292.
- ⁵² Гражданин. 1911. №45. С. 16.
- ⁵³ Падение царского режима. Т. 2. Л.; М., 1925. С. 436. На допросе И.Г. Щегловитов не припомнил дату инцидента, отнеся его приблизительно к 1909 г. или 1910 г. Однако в дореволюционном еще разговоре с И.Х. Озеровым он был более точен: "за месяц или полтора до войны с Германией" (ОР РНБ, ф. 541, оп. 1, д. 4, л. 37. Озеров И.Х. Воспоминания).
- ⁵⁴ Падение царского режима. Т. 2. Л., 1924. С. 437-438.
- ⁵⁵ ГА РФ, ф. 990, оп. 2, д. 548, л. 2-2 об. (А. Неклюдов - П.Б. Мансурову, 23 февраля (8 марта) 1906 г.).
- ⁵⁶ Труды второго съезда уполномоченных дворянских обществ 31 губернии. СПб., 1907. С. 32.
- ⁵⁷ П.Н. Трубецкой поведал I съезду уполномоченных, "какие препятствия ставились правительством для объединения дворянства, даже для простой беседы губернских предводителей, вследствие чего ранее съездов дворянства и нельзя было собрать, и лишь манифест 17 октября открыл эту возможность" (Труды первого съезда уполномоченных дворянских обществ 29 губерний. СПб., 1906. С. 5).
- ⁵⁸ См., напр., речь архиепископа Николая при обсуждении законопроекта "О переходе из одного исповедания веры в другое" (Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия седьмая. Стб. 93-94).
- ⁵⁹ Там же. Стб. 1786. "Подобные Высочайшие преуказания, не содержащие положительных законодательных норм, - вторил кн. А.Н. Лобанов-Ростовский, - не стесняют законодательные учреждения в осуществлении их законодательной власти". (Там же. Стб. 1853.)
- ⁶⁰ Там же. Стб. 2393.
- ⁶¹ Там же. 1912-1913 годы. Сессия восьмая. СПб., 1913. Стб. 1897.
- ⁶² Три последних самодержца. Дневник А.В. Богданович. М.; Л., 1924. С. 429. (Запись 3 октября 1907 г.). "Никогда нельзя положиться и верить, и это сознание очень больно, - отмечал Шереметьев. - Так во всем". РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5056, л. 1. Дневник гр. С.Д. Шереметьева. Запись 1 января 1911 г.
- ⁶³ Три последних самодержца. Дневник А.В. Богданович. С. 447 (запись 8 июня 1908 г.).

⁶⁴ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 2999, л. 54 (С.Д. Шереметьев - Ф.Д. Самарину, 3 сентября 1905 г.). "Тебе очень хорошо известен характер или вернее отсутствие характера там, где единственное спасение", - сетовал и Булыгин в письме к Шереметьеву 1 октября 1905 г. (там же, д. 5069, л. 104-104 об.). В дальнейшем Шереметьев все более утверждает в этой оценке: "Сознание главного горя - безнадежность центрального лица - приводит в ужас" (там же, д. 5051, л. 77 об. Запись в дневнике 20 июля 1906 г.). "Несчастное свойство характера, безвольного, безличного, безжизненного. "Нерва нет! — как говорил Победоносцев", - повторяется он 2 ноября 1907 г. (там же, д. 5052, л. 146 об.). Взгляд на Николая II как на "коренную причину скорби" разделяли И.Л. Горемыкин, П.Н. Дурново и другие видные представители правой группы Госсовета. (См.: Там же, л. 49, д. 5056, л. 36; д. 5057, л. 34). И в годы мировой войны "продолжение избранного Государыней и навязанного ею Государю способа управления неизбежно вело к революции и к крушению существующего строя" (Гурко В.И. Царь и царица. Париж, [б.г.]. С. 99).

⁶⁵ Труды первого съезда уполномоченных дворянских обществ. С. 3.

⁶⁶ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 486.

⁶⁷ ОР РГБ, ф. 265.190.32, л. 22-23 об. (А.А. Киреев - Ф.Д. Самарину, 28 июля 1905 г.).

⁶⁸ Там же, ф. 126.14, л. 270-270 об., 271.

⁶⁹ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5083, л. 241-242 (А.К. Варженевский - С.Д. Шереметьеву, 27 февраля 1908г.).

⁷⁰ Красный архив. 1932. Т. 1-2 (50-51). С. 184. По свидетельству А.С. Суворина, И.Л. Горемыкин говорил ему в 1906 г.: "Это недурно, что усадьбы жгут. Надо потрепать дворянство. Пусть оно подумает и перестанет работать в пользу революции. Есть ужасная дрянь в дворянстве" (Суворин А. Дневник. М., 1992. С. 419).

⁷¹ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 482.

⁷² Падение царского режима. Т. 6. Л., 1926. С. 297.

⁷³ Труды третьего съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1907. С. 298.

⁷⁴ Там же. С. 67.

⁷⁵ См., напр., Записку ген. А. Киреева Николаю II от 4 июля 1907 г. (ГА РФ, ф. 601, оп. 1, д. 2374, л. 1-2 об.).

⁷⁶ Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1986. С. 16. 9 декабря 1906 г. А.П. Игнатьев был убит. Автор воспоминаний пишет, что "еще тогда пришел к твердому убеждению", разделявшемуся и его матерью, гр. С.С. Игнатьевой, хозяйкой известного салона, что "убийство если не было организовано охранкой, то, во всяком случае, произошло с ее ведома".

⁷⁷ Новый журнал. Нью-Йорк, 1943. Кн. 5. С. 367.

⁷⁸ Дым отечества. 1914. № 22. 29 мая. С. 2.

⁷⁹ Труды V съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1909. С. 115-116.

⁸⁰ Падение царского режима. Т. 2. С. 435.

⁸¹ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника). Т. I. Париж, 1936. С. 19.

⁸² Падение царского режима. Т. 5. Л., 1925. С. 287. "Мы можем повторить вслед за нынешним Председателем Совета министров, что у нас, слава Богу, нет парламента, - писал В.Н. Снежков, - но, господа, с Думою и выборным Государственным советом в русскую государственность несомненно проникли начала парламентаризма и, к счастью или несчастью, надо полагать, бесповоротно" (Снежков В. Бехтеев. Шарапов. Цертелев. Козлов, 1911. С. 15).

⁸³ ГА РФ, ф. 1467, оп. 1, д. 685, л. 101 (К.Н. Пасхалов - Н.А. Маклакову, 4 октября 1915 г.). Вряд ли эти надежды на возрождение самодержавия связывались с императором Николаем II.

⁸⁴ См.: Бородин А.П. Объединенное дворянство и аграрная реформа // Вопросы истории. 1993. № 9. С. 35-36.

⁸⁵ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5074, л. 379 об. - 380. Выписка из письма графа Н.Е. Комаровского, 17 июля 1906г.

⁸⁶ Там же, д. 5077, л. 47-47 об. (Ф.Д. Самарин - С.Д. Шереметьеву, 5 января 1907 г.).

⁸⁷ Там же, д. 5052, л. 42. Дневник гр. С.Д. Шереметьева. Записку эту обнаружил и ввел в научный оборот В.С. Дякин (см.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972. С. 233-234, 246).

⁸⁸ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5052, л. 42, 46, 47, 48, 49; д. 5054, л. 158; д. 5055, л. 204-205; д. 5056, л. 37.

⁸⁹ Факт преобладания либерально-монархического крыла в Госсовете подтверждается и всеподданнейшим докладом государственного секретаря барона Ю.А. Икскуля от 7 ноября 1907 г., когда впервые выборы в комиссии были проведены на основе пропорционального представительства групп. Из 154 присутствовавших на заседании правых было 54, в группе центра - 84 и левых - 16 (ГА РФ, ф. 543, оп. 1, д. 539, л. 3).

⁹⁰ А.А. Чемодуров возмущался в письме к Л.Л. Кисловскому 3 июля 1906 г.: Это большинство, состоящее из выдохшихся либералов во главе с Ермоловым (метящим в премьеры), из кадетов, из профес-

сорской клики, признало, что проект негоден (речь идет о думском законопроекте по продовольственному вопросу. - А.Б.), но в угоду Думе в пику правительству, т.е. Министерству, приняли! Перевес на 10-12 голосов из 120. Теперь очень вероятно, что кабинет распадется и они заранее ликуют. Все идет хуже и хуже. Ничем Вас порадовать не могу, никакого просвета не видно" (ОР РГБ, ф. 130.10.17/1-2, л. 25).

⁹¹ "Ушли из группы представители земств, общественные деятели, которые, по-видимому, не могли мириться ни с политикой правых, ни с идеей "черного блока". Раскол в группе в эти дни - явление далеко не заурядное и напоминает столыпинские времена", - говорилось в "Новом Времени" 22 августа 1915 г Четче объяснял положение среди правых "Петроградский курьер" (24 августа 1915 г.): "Раскол в группе правых Государственного совета... есть следствие глубокого противоречия между бюрократическими и общественными деятелями, входящими в ее состав".

⁹² В письме С.Д. Шереметьева к Ф.Д. Самарину от 3 января 1907 г. это выражено так: "Новые назначения в Гос. совет привлекают несомненно людей недюжинных, но окраски столь определенной, что в направлении сомневаться уже нельзя. Теперь перевес во всех вопросах ясно на чьей стороне" (РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 3001, л. 278). Назначены были: министры П.А. Столыпин и И.Г. Щегловитов; В.И. Сергеевич и В.И. Герье, вступившие в группу центра; А.Ф. Кони, объявивший себя внепартийным, но прозванный "тайнобрачным" за голосование с "левыми"; правый Ф.В. Дубасов.

⁹³ 9 марта 1907 г. был назначен кн. А.А. Ширинский-Шихматов, 4 апреля - Д.И. Пихно 16 апреля -В.В. фон Валь.

⁹⁴ РГИА, ф. 1162, оп. 6, д. 415, л. 15. Правые уже давно выражали недовольство составом назначенных к присутствию в Госсовете. Так, можайский предводитель А.К. Варженевский, личный друг С.Д. Шереметьева, заметил в письме от 25 мая 1906 г.: "Было бы хорошо, если бы это учреждение посвежело, а то, ведь, большинство "назначенных" сановников не далеко ушли от компании Набокова и Родичева с товарищи" (РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5073, л. 102-102 об.).

⁹⁵ Шипов Д.Н. Воспоминания... С. 499.

⁹⁶ ОРРГБ, ф. 126.15, л. 5 об.

⁹⁷ История СССР. 1969. № 5. С. 87. Это подтверждает и А.П. Извольский (Извольский А.П. Воспоминания. Пг.; М., 1924. С. 79).

⁹⁸ РГАДА, ф. 1287, оп.1, д.5106, л. 1 "а" об. (А.Г. Булыгин -С.Д. Шереметьеву, 31 октября 1911 г.).

⁹⁹ Там же, д. 5056, л. 187.

¹⁰⁰ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919. Т. 2. Париж, 1933. С. 5-6.

¹⁰¹ А.Г. Булыгин писал 31 декабря 1911 г. С.Д. Шереметьеву: "В пятницу начнутся вероисповедные законы, которые весной не кончили. Совершенно не известно, как к ним относится новая власть. Пока в Совете большинство склонно провалить как их, так и мелкую единицу" (РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5106, л. 2-2 об.).

¹⁰² Русское Слово. 1912. 10 января.

¹⁰³ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 471, л. 1 об. (Письмо гр. А.А. Бобринского к матери, 4 января 1912г.).

¹⁰⁴ Рассказывая позднее об этом С.Д. Шереметьеву, П.Н. Дурново признавался, "что с трудом это оказалось возможным" (РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5059, л. 172-173).

¹⁰⁵ Там же, д. 5106, л. 250 (С.Д. Шереметьев - А.А. Голенищеву-Кутузову, 31 декабря 1911г. Копия).

¹⁰⁶ Родзянко М.В. Крушение империи (Записки председателя Русской Государственной Думы) // Архив русской революции. Т. XVII. Берлин, 1926. С. 72.

¹⁰⁷ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5121, л. 114 об. (А.К. Варженевский - С.Д. Шереметьеву, 18 июня 1914г.).

¹⁰⁸ Там же, д. 3011, л. 213.

¹⁰⁹ Там же, д. 5059, л. 115.

¹¹⁰ Там же, д. 5060, л. 6-7.

¹¹¹ Там же, д. 5125, л. 30 (А.К. Варженевский - С.Д. Шереметьеву, 8 января 1915 г.).

¹¹² Там же, д. 5060, л. 16.

¹¹³ Затыжка была не случайной. По свидетельству А.С. Стишинского, "господствующий "в сферах" лозунг таков - при нынешних обстоятельствах правительство без поддержки общественного мнения бессильно. Лозунг этот... выразился в таком недавно высказанном Энвер-беем (А.В. Кривошеиным. - А.Б.) взгляде: назначение на этот пост (председателя Госсовета. - А.Б.) из правых явилось бы актом при нынешних условиях, безумным". (Там же, д. 5123, л. 208 об.).

¹¹⁴ Там же, д. 3012, л. 248 (С.Д. Шереметьев - А.К. Варженевскому, 16 февраля 1915 г.). Горемыкин 1 февраля 1915 г. уведомил Голубева о том, что Николай II "изволил подтвердить монаршью свою волю" и просил входить с ним в предварительное соглашение по кандидатам в присутствующие члены Госсовета (РГИА, ф. 1148, оп. 10. 1909, д. 3, л. 2-2 об.).

¹¹⁵ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 3013, л. 122. (С.Д. Шереметьев - А.Д. Самарину, 17 июля 1915 г.).

¹¹⁶ Там же, л. 125-126 (С.Д. Шереметьев - А.Г. Булыгину, 17 июля 1915 г.). История опалы Куломзина такова. 12 мая 1906 г. Николай II прислал государственному секретарю барону Ю.А. Икскулью записку:

"Сообщите статс-секретарю Куломзину, что я его увольняю в отпуск на четыре месяца с 12-го сего мая". Куломзин безотлагательно уехал в деревню (РГИА, ф. 1162, оп. 6, д. 269, л. 76-77). Недовольство царя было вызвано, как можно судить по воспоминаниям самого Куломзина, самостоятельной и независимой его позицией по ряду вопросов. Каплей, переполнившей чашу царского терпения, стали перлюстрированные письма Куломзина младшему сыну (ГА РФ, ф. 5881, оп. 1, д. 727, л. 13 об. - 14, 22-22 об., 24-29 об. Куломзин А.Н. Мои занятия в Государственном совете. Рукопись). В письмах от 30 апреля и 7 мая 1906 г. он делился впечатлениями о Госсовете, резко отзывался о Сольском и Фрише и солидаризировался с Петрункевичем в вопросе об амнистии (РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1980, л. 3, 77).

¹¹⁷ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 3013, л. 419.

¹¹⁸ Падение царского режима. Т. 4. Л., 1925. С. 321.

¹¹⁹ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 3014, л. 71.

¹²⁰ По справке, подготовленной С.Е. Крыжановским 29 декабря 1916 г. как материал для всеподданнейшего доклада, блок имел преимущество в 12 голосов (РГИА, ф. 1162, оп. 2, доп. к XVI т., 1917, д. 11, л. 8).

¹²¹ Таганцев Н.С. Пережитое. Пг., 1919. С. 18.

¹²² Таганцев подтверждает: "При премьерe Трепове 28 ноября 1916 г.: блок — 101; правые - 83; министры - 9 (правых - 7, блок - 2) - всего 193. При премьерe Голицыне 22 февраля 1917 г. (т.е. после Щегловитовской перетасовки): блок - 89, правых - 97, министров - 9 (правых - 7, блок - 2), всего - 195" (Там же. С. 19).

© 1998 г. Н.А. ПРОСКУРЯКОВА*

КРЕСТЬЯНСКИЙ ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ БАНК (1883-1916 гг.)

Актуальность традиционного для России аграрного вопроса побуждает по-новому взглянуть на деятельность Крестьянского поземельного банка, являвшегося важным инструментом правительственной политики царской России. Именно эта его роль вызывала и вызывает негативную оценку в новейшей отечественной историографии¹. Как известно, одно из направлений современного "аграрного возрождения" видится в массовом создании фермерских хозяйств. Осуществить это без правительственной поддержки, в том числе путем создания государственных ипотечных учреждений, вряд ли возможно. В этой связи опыт государственных ипотечных учреждений (и особенно Крестьянского банка) в первый период "строительства капитализма" представляет не только научный, но и практический интерес. Монографий, раскрывающих работу этого банка, немного². Труд дореволюционного буржуазного экономиста А.Н. Зака уникален в своем роде³. Это серьезное исследование, где прослеживается работа Крестьянского банка с момента его учреждения и до 1910 г. А.Н. Зак претендует на характеристику "наиболее существенных сторон деятельности" Банка, однако многие вопросы были освещены им либо неполно, либо остались вне поля зрения автора (финансовая сторона, мобилизация земли посредством Крестьянского банка, связи с другими ипотечными учреждениями и пр.). Единственная в советской историографии работа В.А. Вдовина⁴ довольно описательна, охватывает лишь первый период его функционирования (до 1895 г.).

В советской литературе утвердилась точка зрения, согласно которой Банк действовал исключительно в интересах дворянства. "Весь смысл деятельности Банка заключался в том, что он не должен был допустить удешевления земельной собственности помещиков... Банк представлял собой могучий насос для выкачивания из деревни прибавочной стоимости и перекачивания ее основной части в карман помещиков"⁵. Те же, «промотав деньги, полученные в виде выкупных платежей за свою "крещенную собственность"», "принялись за распродажу земли"⁶. Эта трактовка имела своей основой замечания В.И. Ленина относительно Крестьянского банка в работах о столыпинской реформе. "Подумайте, - говорилось в одной из

* Проскурякова Наталья Ардалионовна, доктор исторических наук, профессор МПГУ.
Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 97-01-00180).